

Ночь сгущалась, и в комнате за железной клеткой воцарилась полная тишина. Лишь лунный свет, пробиваясь сквозь оконные переплеты, выткал на подстилке из меха белой лисицы тонкую серебристую сеть. Си Юй свернулся калачиком. Усталость от дневного использования силы Изобилия постепенно наваливалась на него, а ноющая боль в сломанной ноге, которую он старательно загонял вглубь сознания, отступила, оставив место лишь мечтам о свободе. Он приподнял руку и коснулся пальцами едва заметной щели в углу клетки. Холод черного железа еще ощущался на коже, но надежда, только что вспыхнувшая в сердце, согревала всё тело, словно теплый очаг. Его нервы, долго остававшиеся натянутыми, наконец расслабились, и он сам не заметил, как провалился в сон.

Без оков клетки, без тяжести реальности — во сне он снова оказался на том самом знакомом поле цветов. Сладкий аромат первым наполнил его легкие, издали разлилось теплое золотистое сияние, и даже воздух обрел удивительно уютную температуру. Едва Си Юй открыл глаза, как увидел знакомый силуэт. Яоши сидела в самом центре цветочного моря, ее нежные оленьи рога мерцали нефритовым светом, а нимб из колосьев мягко парил позади. Шесть рук, подобных гибким лозам, были раскинуты в стороны, и на них, в черных трещинах, пульсировали ярко-красные плоды, словно маня его к себе.

— Матушка! — в этот раз Си Юй не колебался и не чувствовал ни капли сомнения. Он вскочил с места, не обращая внимания на мягкость травы, и бросился к Яоши. Его глаза на бегу увлажнились: все подавленные обиды, тревоги и только что вспыхнувшая надежда сейчас превратились в острую потребность в этой кровной связи. Ему хотелось лишь одного — немедленно уткнуться в эти объятия, пахнущие свежестью растений.

Яоши, казалось, заранее знала о его приходе. Она медленно подняла опущенные веки, и на ее андрогинном лице расцвела кроткая улыбка. Четыре из шести рук раскрылись в приветственном жесте. Когда Си Юй бросился ей в объятия, мягкие лозы тут же обвилились вокруг него, бережно поддерживая тело и не задевая сломанную ногу. Шипы на руках были втянуты, оставляя лишь нежное прикосновение, словно она боялась причинить ему боль.

— Потише, дитя мое, не спеши, — голос Яоши звучал мягко, словно перышко, коснувшееся сердца. Кончиками пальцев она погладила его короткие белые волосы, убирая пряди с лица за уши, а другой рукой, держа колосья, позволила золотистому свету коснуться его макушки. — Глядя на тебя, вижу, что ты стал куда живее, чем в нашу прошлую встречу.

Си Юй зарылся лицом в объятия Яоши, вдыхая знакомый аромат зелени и сладость плодов. Его плечи, до этого напряженные, наконец обмякли, и слезы, которые он больше не мог сдерживать, покатались по щекам, смачивая лозы на теле божества.

— Матушка, я... я нашел способ выбраться из клетки! — он поднял голову, и в его небесно-голубых глазах вспыхнул восторженный блеск. Голос дрожал, но в нем слышалось неприкрытое возбуждение. — Я обнаружил трещину в прутьях и понял, что могу расшатать ее с помощью силы Изобилия, которую вы мне дали. Скоро я смогу сбежать!

Яоши молча слушала, и улыбка в уголках ее губ стала еще мягче. Кончиком пальца она смахнула слезинку с его щеки, и в ее голосе послышалось удовлетворение:

— Я знала, что мое дитя не останется в заточении навсегда. Сила Изобилия и должна служить свободе. Ты всё делаешь правильно.

Она помолчала, чуть крепче прижав его к себе шестью руками, и добавила серьезнее:

— Однако одержимость Цзинлю слишком глубока. Ее привязанность к тебе давно вышла за рамки обычного. Если хочешь сбежать, будь осторожен и не торопись.

При упоминании Цзинлю эмоции Си Юя немного утихли, в глубине глаз промелькнуло сложное чувство. Он знал о безумии Цзинлю и видел ту тоску, что порой проступала в ее взгляде, но страх перед заточением был сильнее.

— Я знаю, матушка, — тихо кивнул он. — Я буду осторожен. Я не хочу больше сидеть в этой клетке и не хочу, чтобы она видела во мне кого-то другого.

Яоши опустила веки и провела пальцами по его девяти лисьим хвостам. Те, словно почувствовав доброе отношение, потерлись о ее ладонь, став еще пушистее и мягче.

— Цзинлю не жестока по своей природе, — в голосе Яоши послышался вздох, но она не стала оправдывать женщину, лишь объективно констатировала факт. — Она была Главой мечников на Лофу и всю жизнь искала справедливости и порядка. Но вражда между Охотой и Изобилием породила в ней одержимость «пером», которая с годами исказилась и превратилась в то, что ты видишь сейчас. Тебе не стоит ее ненавидеть, но и проявлять мягкость нельзя. Свою свободу ты должен отвоевать сам.

Си Юй слушал молча. В его сердце появилось чуть больше понимания к Цзинлю, но решимость сбежать не пошатнулась. Он поднял взгляд на андрогинное лицо Яоши, и в его глазах читалась полная зависимость:

— Матушка, когда вы рядом, мне уже не так страшно. Раньше я чувствовал себя таким одиноким, не зная, куда идти. Но теперь я знаю: я не один, у меня есть вы и сила, которую вы мне даровали.

Яоши коснулась его лба кончиком пальца, и поток теплого золотого света хлынул в его тело. Сила Изобилия, ставшая мощнее, чем прежде, мгновенно разлилась по венам. Ноющая боль в ноге исчезла, а усталость, накопленная за день, испарилась.

— Дитя мое, ты никогда не был один, — твердо произнесла Яоши. — Кровь Изобилия течет в тебе. В каком бы мире ты ни оказался, с какими бы трудностями ни столкнулся — если я тебе понадобится, я буду рядом.

Она протянула руку и извлекла из трещины на одной из ладоней ярко-красный плод. Он мягко мерцал и едва заметно пульсировал.

— Это Плод Изобилия. Носи его с собой. Если попадешь в беду, он примет на себя смертельный удар и поможет тебе быстрее овладеть силой Изобилия.

Си Юй протянул руки и осторожно принял дар. Плод был теплым и, казалось, жил своей жизнью, слегка подрагивая на ладони. Мягкая энергия потекла из него прямо в тело, откликаясь на его собственную силу. Он крепко сжал плод, и глаза снова наполнились слезами.

— Спасибо, матушка, спасибо вам...

— Глупый ребенок, к чему эти формальности с матерью? — Яоши мягко похлопала его по спине, и в ее голосе проскользнула нотка грусти. — Время вышло, тебе пора возвращаться. Помни: что бы ни случилось, никогда не теряй надежды. Твоя воля — главная опора силы Изобилия.

Си Юй хотел сказать что-то еще, но почувствовал, как цветочное поле под ногами начинает таять, а силуэт Яоши расплывается. Он инстинктивно протянул руки, пытаясь ухватиться, но схватил лишь пустоту.

— Матушка! — в отчаянии позвал он, глядя, как улыбка Яоши растворяется в сиянии, оставляя лишь нежное напутствие, эхом звучащее в ушах: — Дитя мое, смело иди к свободе, которой ты так желаешь...

— Матушка!

Си Юй резко открыл глаза. Грудь тяжело вздымалась, лоб был покрыт холодным потом, но ладонь была крепко сжата. Он опустил взгляд: в центре ладони лежал ярко-красный плод. Тот самый Плод Изобилия, который Яоши дала ему во сне. Он всё еще был теплым и мягко пульсировал, поблескивая в лунном свете.

Это был не сон! Яоши действительно передала ему Плод Изобилия! Сердце Си Юя забилося от восторга. Он крепко сжал дар, ощущая исходящую от него мягкую силу, и в его небесно-голубых глазах зажглась решимость. Он бережно спрятал плод за воротник, прижав к самой груди, словно так мог почувствовать присутствие матери.

За окном по-прежнему плыло море облаков, лунный свет падал на его лицо сквозь прутья клетки. Си Юй прислонился к ним, поглаживая Плод Изобилия у сердца. Тревога и страх постепенно отступали, сменяясь невиданной доселе смелостью. Он знал: с помощью Плода шансов на побег стало больше, а с поддержкой Яоши он больше не одинок и не беспомощен.

Он закрыл глаза, прислушиваясь к силе, откликавшейся на Плод, и начал заново продумывать план побега. Завтра он попробует использовать силу Изобилия, чтобы еще сильнее расширить трещину в клетке, а затем попытается достать кинжал, спрятанный под подоконником. Как только представится случай и Цзинлю уйдет, он откроет замок и сбежит из этого места.

Ночь углублялась, в комнате царила тишина, нарушаемая лишь ровным дыханием Си Юя и едва уловимым пульсирующим звуком Плода Изобилия в его ладони. В уголках его губ играла улыбка, полная надежды и мужества. Клетка была прочной, но она не могла остановить его на пути к свободе. Одержимость Цзинлю была сильна, но она не могла сравниться с его решимостью вырваться из оков. Си Юй знал: его путь к свободе стал как никогда близок.

<http://bllate.org/book/20757/2081633>